

Генрих Али Баба

ТЕНЕВОЙ РУБЕЖ

В ПЕТЕРБУРГЕ ДВЕ ВЛАСТИ.
ОФИЦИАЛЬНАЯ И НАСТОЯЩАЯ.

18+

Генрих Али Баба
Теневой рубеж

«Автор»

2026

Али Баба Г.

Теневой рубеж / Г. Али Баба — «Автор», 2026

Сентябрь девяносто третьего забирает у Владимира Соколова правую руку — и отдаёт ему город. Тот, кто выжил под шквальным огнём на Цветочной улице, возвращается в Петербург другим человеком: холодным, безруким, несокрушимым. Отныне порты, комитеты, конкуренты и собственная охрана — фигуры на его доске, а ходы он просчитывает на несколько лет вперёд. Но у каждой партии есть противник за краем доски. Пока федеральный центр стягивает силы, а самые близкие люди — от любовницы до начальника службы безопасности — делают собственные, невидимые ему ходы, империя, выстроенная на страхе и точном расчёте, начинает трещать изнутри. Роман о городе, которым правят не с трибуны, а из тени — и о человеке, который выиграл слишком много партий, чтобы заметить, когда его самого сделали пешкой.

© Али Баба Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Теневой рубеж	5
Глава 2. Цветочный рубеж	7
Глава 3. Диктофон в постели	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Генрих Али Баба Теневой рубеж

Теневой рубеж Глава 1. Полумрак на Крестовском

В кабинете пахло дорогим табаком и полированным дубом. И еще — едва уловимо — антисептиком. К этой последней примеси постоянные посетители давно привыкли. Они стали не замечать её. Как и пустой правый рукав темно-синего пиджака, аккуратно заправленный в боковой карман.

Владимир Андреевич сидел спиной к массивному столу, глядя в панорамное окно. За стеклом раскинулся предвечерний Петербург — серый, подернутый сырой невской дымкой, но уже зажигающий первые неоновые вывески новых казино и банков. Город казался огромным дышащим организмом. Соколов знал: у этого организма две нервные системы. Одна — официальная, заседающая в Смольном под прицелом телекамер. Вторая — здесь, в офисе Петербургской топливной компании на Крестовском острове. И вторая работала четче. Без сбоев. Без пустых обещаний.

Напротив стола, на самом краешке глубокого кожаного кресла, сидел человек в безупречном, но заметно пропотевшем на спине костюме. Заместитель председателя одного из ключевых комитетов городской администрации — то самое лицо, что раз в неделю мелькало в телевизоре в репортажах об «экономическом возрождении региона». Сейчас этот вершитель судеб судорожно сжимал в руках пухлую кожаную папку с гербом.

— Владимир Андреевич, — голос чиновника дрогнул. Он поспешно кашлянул, пытаясь вернуть ему солидность. — Мы задерживаем подписание документов по приватизации портовых терминалов только потому, что москвичи давят через министерство. Они привезли свои бумаги. За ними силовые структуры, там... очень серьезный уровень. Если мы отпишем этот сектор вам без конкурса — поднимется шум в прессе. Нас распнут.

Соколов не повернулся. Он плавно, левой рукой, поднес к губам маленькую чашку с крепким эспрессо. Сделал глоток. Прошло тридцать секунд. В кабинете стояла такая тишина, что было слышно, как на стене тикают тяжелые немецкие часы. Чиновник за это время трижды сменил позу и незаметно вытер повлажневшую ладонь о брюки.

— Серьезный уровень, говоришь? — тихо, почти ласково произнес Соколов. Голос его был ровным, без южного акцента, но с той тяжелой интонацией человека, который привык, что его слушают, затаив дыхание. — А здесь, по-твоему, какой уровень, Анатолий Борисович? Детский сад? Школьная продленка?

— Ну что вы, Владимир Андреевич, я же не в этом смысле... — чиновник заметно побледнел. Под воротником рубашки поползла капля пота.

Соколов медленно развернул кресло. Лицо его — бледное, со следами перенесенных операций — оставалось абсолютно спокойным. Только серые, пронизательные глаза смотрели на гостя так, словно изучали рентгеновский снимок на предмет скрытых патологий.

— Москвичи сегодня приехали, завтра уехали, — Соколов аккуратно поставил чашку на блюдце. Фарфор звякнул в тишине, как взвод пистолетного затвора. — У них там, на Садовом кольце, каждый месяц новая власть, новые веяния, новые начальники. А мы здесь живем. Порт этот по кирпичику поднимали наши люди. И бензин в город, когда у вас в бюджете зияла дыра и машины скорой помощи заправить было нечем, давала ПТК. Помнишь такое, Анатолий Борисович? Или память короткая стала от министерских звонков?

— Помню, конечно, Владимир Андреевич, всё помню... — чиновник закивал так часто, что едва не выронил папку.

— Вот и хорошо, что память у тебя рабочая, — Соколов улынулся одними уголками губ. Глаза оставались ледяными. — Передай своим московским кураторам: в Петербурге инвестиционный климат уже сформирован. И менять его под чьи-то столичные аппетиты мы не будем. Это вредно для здоровья. Для здоровья бизнеса, я имею в виду.

Он открыл выдвижной ящик стола, достал тонкую золотую ручку *Parker* и пустил её скользящим движением по полированному дубу прямо к рукам чиновника.

— Документы подпишешь завтра утром. До полудня. В прессе шума не будет — об этом мы позаботимся. Свободен.

Анатолий Борисович поднялся так быстро, будто кресло под ним внезапно раскалилось. Он схватил папку, ручку, изобразил жалкое подобие поклона — и почти выбежал из кабинета, стараясь как можно тише стучать туфлями по паркету приемной.

Как только тяжелая дубовая дверь за ним закрылась, из потайной комнаты, скрытой за фальшь-панелью, бесшумно вышел человек. Виктор, начальник службы безопасности Соколова — плотный, широкоплечий, с короткой седеющей стрижкой и внимательными, слегка прищуренными глазами бывшего полковника седьмого управления КГБ. Броских кожаных курток и малиновых пиджаков он не носил; на нем был скромный серый свитер под горло. Но этот человек стоил целой маленькой армии.

— Владимир Андреевич, этот слизняк из комитета прав, — негромко сказал Виктор, опускаясь в освободившееся кресло. — Москвичи зашли глубоко. По моим каналам прошла информация: в Питер тайно прибыла рабочая группа из главка МВД и Генпрокуратуры. Привезли пачки чистых ордеров, подписанных наверху, и батальон сопровождения из подмосковного спецназа. Нас начинают обкладывать. Плотно.

Соколов снова повернулся к окну. На город окончательно опустилась темнота, и Нева внизу казалась черной маслянистой лентой.

— Местные что?

— Местные силовики у нас в кармане, вы же знаете, — Виктор нахмурился. — Но их намеренно отрезают от информации. Москвичи работают автономно. Из Москвы пришел четкий приказ: «Теневого губернатора» в городе быть не должно. Любой ценой. Земля под нами подгорает, Андреич.

Соколов левой рукой нащупал в кармане пачку сигарет, достал одну, щелкнул зажигалкой. Огонек на секунду выхватил из полумрака резкие, словно высеченные из гранита черты лица. Он затаился, выпустил к потолку струю сизого дыма.

— Ну что же, — тихо, с едва заметным металлом в голосе проговорил он. — Пусть попробуют. Посмотрим, у кого в этом городе ночью фары светят ярче. Готовь ребят. И узнай мне всё по этой московской группе. Кто старший. Где остановились. Под кого копают в первую очередь. Мы не в девяносто третьем, Витя. В лоб они не пойдут. Будут искать слабое звено.

Виктор молча кивнул и растворился в полумраке кабинета — так же бесшумно, как вошел.

Соколов остался один. Он смотрел на огни ночного Петербурга, и левая рука сама собой сжалась в кулак — так, что побелели костяшки. Он чувствовал, как локомотив судьбы начинает набирать ход. И на этот раз рельсы вели куда-то в темноту.

Глава 2. Цветочный рубеж

Сентябрь 1993 года. Санкт-Петербург

Тем летом асфальт над городом плавился, а к сентябрю зной так и не отпустил. Воздух дрожал от гари старых «Жигулей» и редких, но уже наглых иномарок. В свои тридцать восемь лет Владимир Ковалёв чувствовал себя хозяином этого изменившегося, сошедшего с ума мира. Времена, когда он стоял вышибалой в баре «Таллин», казались бесконечно далекими. Теперь под его левой рукой ходил весь город. Правая рука в тот полдень всё еще была при нем.

Темно-бордовый «Мерседес-Бенц» W124 плавно катил по Цветочной улице в направлении Заставской. В салоне холодил кондиционер, тихо напевала кассета с блатным шансоном. Ковалёв сидел на переднем пассажирском сиденье, расстегнув верхние пуговицы шелковой рубашки, и лениво листал блокнот с записями. За рулем сидел Витя — преданный, молчаливый парень, прошедший с Володи не одну жесткую стрелку.

— Володь, сзади «девятка» серая пристроилась, — негромко сказал Витя, мельком глянув в зеркало. — От самого Московского за нами тащится. Наглухо тонированная.

Ковалёв не успел ответить.

Всё произошло за три секунды, которые потом растянулись в памяти на вечность.

На перекрестке с Заставской «Мерседес» сбросил скорость. В этот момент серая «девятка» рванула вперед с визгом покрышек, подрезая тяжелый седан и намертво блокируя дорогу. Почти одновременно сзади подлетел старый «Форд» — и зажал машину в тиски.

— Засада! — рявкнул Витя, вбивая педаль тормоза в пол и пытаясь выкрутить руль вправо, на газон.

Двери «девятки» распахнулись разом. Из машины выскочили двое. Лица скрыты черными балаклавами, в руках — короткие стволы автоматов, сдвоенные магазины наружу. Работали профессионально, без лишних движений. Не кричали. Просто начали стрелять.

Первая очередь, пущенная сквозь лобовое стекло, превратила Витю в кровавое месиво. Руль крутанулся сам по себе. «Мерседес» ткнулся бампером в бордюр и заглох.

Та-та-та-та-та! Треск автоматов заполнил улицу целиком. Свинец кромсал кузов, лопались стекла, мелкая крошка секла воздух. Запах пороха и раскаленного металла мгновенно выжег весь кислород в салоне.

Ковалёв среагировал на инстинктах, выработанных годами опасной жизни. В долю секунды он сполз с сиденья вниз, в пространство для ног, закрывая голову руками. Спрятаться от двух автоматов, бьющих в упор, было невозможно.

Пули пробивали тонкую обшивку дверей, как картон. Первая вошла в правое плечо, раздробила сустав, ошпарила дикой болью. Он хрипло вскрикнул. Следующий удар в грудь выбил из него весь воздух. Кровь хлынула горлом. Мир вокруг терял краски, звуки выстрелов стали глухими, будто доносились из-под воды.

«Это всё, Володя. Отбежался», — промелькнула ледяная, удивительно спокойная мысль.

Киллеры, расстреляв по два магазина, прыгнули обратно в «девятку». Машина сорвалась с места и растворилась в питерских переулках, оставив посреди улицы изрешеченный, дымящийся «Мерседес». Внутри было тихо. Только кассетный магнитофон продолжал что-то хрипеть сквозь пробитый динамик.

Дальше — темнота. Глубокая, вязкая кома, растянувшаяся на тридцать дней.

В Военно-медицинской академии врачи совершали чудо. Профессора и хирурги вытаскивали Ковалёва с того света буквально по частям. Сердце останавливалось дважды, легкие работали на аппаратах, а по коридорам больницы круглосуточно дежурили хмурые парни в кожаных куртках с оружием под мышкой — «Ладожские» охраняли своего вожака, ожидая, что враги придут добивать.

Когда через месяц Владимир открыл глаза, первым он увидел белый больничный потолок и капельницу. Он попытался пошевелить правой рукой, чтобы опереться на кровать.

Руки не было.

Вместо неё из-под простыни белела туго забинтованная культия чуть выше локтя. Гангрена не оставила врачам выбора.

Ковалёв долго смотрел на это место. На лице не дрогнул ни один мускул. Ни слез, ни криков, ни проклятий. Внутри него в этот момент словно выгорело всё человеческое — страх, жалость, сомнения. Умер Ковалёв — дерзкий парень, верящий в братство и фарт.

Через несколько месяцев, пройдя реабилитацию в Германии, он вернулся в Санкт-Петербург. Но это был уже другой человек.

Он официально сменил фамилию, взяв девичью фамилию матери — Соколов. Сменил гардероб, заказав у лучших портных костюмы с зашитым правым рукавом. И, главное, сменил тактику. Никаких больше публичных разборок на рынках. Отныне — только сухой расчет, финансовые схемы и легальный бизнес.

Те, кто организовал покушение, надеялись убрать его с доски. Но они лишь убрали ограничители. Соколов вернулся в город тихим, безруким призраком, у которого осталась одна, но абсолютно смертоносная левая рука. И те, кто праздновал его смерть, один за другим начали бесследно исчезать в криминальной хронике Петербурга.

«Теневой губернатор» родился именно тогда — на залитом кровью и свинцом асфальте Цветочной улицы.

Глава 3. Диктофон в постели

Шёлк простыней цвета мокрого асфальта казался прохладным. Но в спальне пентхауса на Крестовском все равно было душно, тесно, будто стены за день впитали чужую тревогу и не хотели её отпускать. За огромными окнами шумел питерский ливень, размывая огни ночного города в желтые мутные разводы.

Марина лежала на спине, глядя в темноту, и слушала тяжелое, мерное дыхание мужчины рядом. Владимир спал на левом боку, лицом к ней. В полумраке контур его плеча казался высеченным из гранита, а там, где должна была быть правая рука, одеяло ровно спадало вниз. Даже во сне его лицо не расслаблялось — жесткая складка между бровей, плотно сжатые губы. Человек-крепость. Человек, у ног которого лежал весь этот город.

И человек, которого она должна была предать.

Марина была красива той редкой породистой красотой, которая требует огромных денег и безупречного вкуса. Умная, с дипломом искусствоведа и холодным аналитическим умом, она появилась в его жизни два года назад. Владимир, уставший от глупых длинноногих пустышек, быстро оценил её умение молчать, слушать и держаться королевой на приемах с первыми лицами Смольного. Он осыпал её бриллиантами, купил галерею на Большой Конюшенной и, как ей иногда казалось, почти впустил в свое выжженное сердце.

Но у каждого лоска в этом городе была своя изнанка.

Марина осторожно, едва дыша, сползла с кровати. Шёлковый халат скользнул по плечам. Босиком, по теплому паркету, она прошла в просторную ванную и мягко прикрыла за собой тяжелую дверь. Включила воду — приглушить любые случайные звуки.

Руки слегка дрожали. Она подошла к дорогой сумочке от *Hermès* на мраморной столешнице. Пальцы нырнули в потайной кармашек под подкладкой и извлекли крошечный, не больше спичечного коробка, цифровой диктофон японского производства — последнее слово шпионской техники тех лет.

Три дня назад в её галерею зашли двое. Не питерские «быки» в кожанках — вежливые, неброско одетые мужчины из Москвы. С удостоверениями сотрудников Генеральной прокуратуры и ФСБ. Ей не угрожали подвалом. Они просто положили на стол папку с финансовыми документами её брата, который запутался в контрабанде антиквариата и уже сидел в Лефортово.

«Вы ведь любите брата, Марина Николаевна? — тихо спросил тогда старший, с серыми, как питерское небо, глазами. — Ему светит пятнадцать лет. Но мы можем договориться. Нам не нужны его копейки. Нам нужен Соколов. Точнее — его разговоры. Имена, фамилии чиновников, цифры по порту и ПТК. Всё, что он обсуждает дома, без галстуков».

Ей дали этот диктофон. И теперь она была на крючке. Каждую секунду рядом с Владимиром её жизнь превращалась в ходьбу по минному полю.

Марина нажала «Stop». Индикатор мигнул. Запись сделана. Сегодня за ужином Владимир принимал у себя одного из руководителей городской налоговой инспекции. Они пили коньяк, и Соколов ленивой левой рукой чертил на салфетке схему распределения долей в новом ресторанном холдинге, называя суммы с шестью нулями. Диктофон, спрятанный в полый фарфоровый вазе на комод, записал каждое слово.

Вдруг за дверью ванной послышался глухой стук.

Марина замерла. Сердце рухнуло куда-то в пятки. Дыхание перехватило. Она судорожно спрятала диктофон в халат и уставилась в зеркало, пытаясь вернуть лицу естественный цвет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.